

Михаил
АРЦЫБАШЕВ

СЧАСТЬЕ

T8 RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
А88

Арцыбашев, М. П.

А88 Счастье / М. П. Арцыбашев. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 184 с. — (RUGRAM-КЛАССИКА).

ISBN 978-5-519-72637-5

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Михаила Петровича Арцыбашева «Счастье».

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-72637-5

© Т8 RUGRAM, оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Ужас	5
В деревне	32
Кровавое пятно	42
Революционер.....	81
Пропась	94
Сказка старого прокурора.....	119
Злодеи	142
Счастье	153
Бог	160
Братья Аримафейские.....	167

УЖАС

I

По обыкновению, весь вечер Ниночка провела у старичков Иволгиных. Ей было хорошо, весело у них и потому, что у старичков было светло и уютно, и потому, что от молодости, радости и надежд, наполнявших ее с ног до головы, ей везде было весело. Все время она болтала о том, как удивительно ей хочется жить и веселиться.

Часов в одиннадцать она собралась домой, и провожать ее пошел сам старичок Иволгин.

На дворе было темно и сыро. От реки, невидимой за темными, смутными силуэтами изб и сараев, слитых в одну и призрачную, и тяжелую черную массу, дул порывистый, сырой и упругий ветер, и слышно было, как грозно и печально гудели вербы в огородах.

На реке что-то сопело, медленно ползло с тягучим нарастающим шорохом и вдруг рассыпалось со странным звоном, треском и всхлипыванием.

— Лед тронулся, — сказал Иволгин, с трудом шагая против ветра.

Ветер рвал и мотал полы его шинели и юбку Ниночки и откуда-то брызгал в лицо мелкими холодными каплями.

— Весна идет! — весело и звонко, как все, что говорила, ответила Ниночка.

И действительно, казалось, что во мраке ночи кто-то идет по реке, по воздуху, по ветру. Идет властный, могучий, теплый и сырой.

— Вот скоро вы и домой! — сказал Иволгин, только для того, чтобы сделать приятное милой девушке, такой молодой, такой веселой, доброй и нежной, всегда возбуждавшей в его старом сердце особенное и теплое, и радостное, и грустное чувство.

— Да, теперь, слава Богу, скоро уже! — отворачиваясь от ветра, прокричала Ниночка, и голос ее радостно и сладко вздрогнул.

Они прошли темную и мокрую улицу и повернули на площадь. Там было пусто и веяло холодом, как из погребца. У ограды церкви еще лежал талый снег и смутно белел в сероватой мгле. За церковью, едва видной из темных и голых деревьев, точно черными костями шуршащих верхушками, выдвинулся большой кирпичный, с голыми углами, дом и взглянул прямо им в глаза двумя яркими освещенными, зловещими от общей тьмы, окнами.

— А, кто-то приехал, — с любопытством сказала Ниночка.

Они дошли до ворот, заглянули во двор, темный и глухой, откуда дохнуло в лицо теплым мокрым навозом, и остановились под крыльцом школы.

Ниночка протянула руку. Иволгин дружески пожал ее маленькие нежные пальцы своей старой ладонью и сказал:

— Спокойной ночи, маленькое счастье!

Надвинув ушастую фуражку на уши и торопливо перебирая палкой, он пошел назад, оглянувшись на окна, мелькнул согнутой спиной в полосе их яркого света и ушел в серую ветреную мглу.

Ниночка торопливо поднялась на крыльцо и постучалась в темное окно. Кто-то вышел из ворот и, тяжело шагая по лужам, подошел снизу к крыльцу.

— Это ты, Матвей? — спросила Ниночка. — Ключ у тебя?.. Кто приехал?..

— Я, барышня, — сипло и хрипло ответил черный человек.

— У тебя ключ?

— Тут...

Матвей, скрипя ступеньками, поднялся на крыльцо, протиснулся мимо Ниночки и открыл дверь. Тихо скрипнув, она тяжело осела в черную тьму. Запахло хлебом.

— Кто приехал? — опять спросила Ниночка.

— Следователь с доктором да становой...¹ В Тарасовке мертвое тело объявилось...

Ниночка ощупью прошла сени, вошла в классную и долго искала спичек.

— Куда я их всегда засуну?..

Матвей стоял где-то в темноте и молчал.

Ниночка нашла спички и зажгла лампу. Слабый свет, дрожа и замирая, расплылся по комнате, уставленной похожими на гробы партами.

— Мне, барышня, надо за лошадьми на пошту идти и чтоб понятых в Тарасовку тоже...

— Ночью? — удивилась Ниночка, стоя перед ним с лампой.

Матвей повел шеей и вздохнул:

— Вы бы, барышня, лучше к батюшке, что ли, пошли, а то дюже пьяные. Орут, спать вам не дадут, гляди.

¹ *Становой* — начальник стана в уезде до 1917 г., становой пристав.

— Ничего, — ответила Ниночка, — а разве очень пьянствуют?

— Да, известно, — не то с досадой, не то с завистью неохотно ответил Матвей и опять вздохнул. — Целый вечер без передыху пили... Вы бы к батюшке... А то это у них на целную ночь...

— Ничего, — опять ответила Ниночка.

Матвей неодобрительно помолчал.

— Ну, так я пойду, значит.

Ниночка проводила мужика, заперла за ним дверь на засов, прошла в классную и ушла с лампой в свою комнату.

И сейчас же из-за запертой и завешанной ковром двери, которая отделяла комнату Ниночки от комнаты «для приезжающих чиновников», она услышала громкий, совсем пьяный смех, звон стекла и скрипение дивана. Из-под двери сильно тянуло табаком и еще чем-то тяжелым и горячим.

Ниночка отворила форточку, с любопытством оглянулась на дверь и, наставив ухо, прислушалась.

— Ладно, ладно... знаем мы вас!.. А сам небось давно уж зондировал... — кричал кто-то грубым и неприятным голосом.

— Тише, ты! — захлебываясь пьяным и тупым смехом, сказал другой.

И все трое захохотали так, что дверь задрожала.

— Нет, ей-Богу, господа, всего только один раз...

Ниночке вдруг стало отчего-то обидно и тяжело, хотя она ничего и не поняла. Смущенно и нерешительно она отошла к столу.

«И правда, лучше бы остаться ночевать у Иволгиных», — пугливо и брезгливо подумала она.

За стеной кричали, шумели, двигали стульями и иногда, казалось, начинали драться, как дикие звери в клетке.

Ниночка старалась не слушать. Она задумчиво сидела у стола, смотрела на огонь лампы и думала:

«А еще говорят, что образование смягчает человека... Наши мужики не стали бы так орать... Ведь знают же они, что я здесь... Нет, скверный человек от образования становится еще сквернее... точно он нарочно все это делает».

Потом она стала думать, что к концу апреля уже можно будет уехать.

«Хоть бы уже скорее... устала!»

И Ниночка бессознательно делала усталое, скучное лицо, но вместо того ей представлялось что-то веселое и светлое, впереди мелькали какие-то интересные лица, открывался какой-то широкий и яркий простор, и губы ее тихо и радостно улыбались потемневшим задумчивым глазам.

Кто-то вдруг дробно и отчетливо постучал в дверь.

Ниночка вздрогнула и подняла голову.

— С...сударыня, — так близко, точно в этой комнате, громко прокричал кто-то, — нельзя ли у вас с...свечечкой одолжить-ся?... У нас лампа тухнет.

Ниночка застенчиво улыбнулась, как будто ее мог видеть говоривший, и так же застенчиво ответила:

— Ах, пожалуйста...

Она встала, торопливо порылась в комоде, достала свечу и подошла к двери. Задвижка была на ее стороне, Ниночка отодвинула ее, чуть-чуть приотворила дверь и просунула в щелку руку:

— Вот возьмите, пожалуйста.

— Тыс-сяча бл-а-дарностей, сударыня... — неестественно вежливо и пьяно путаясь, проговорил тот же голос, и Ниночке показалось, что он расшаркался, но свечи не брал.

Ниночка держала руку за дверь и смущенно двигала свечой. Ей слышалось, как будто кто-то хихикнул, и вдруг почувствовала, что вблизи ее руки гадко, тайно и молчаливо делается что-то. Но прежде чем она успела сообразить что-нибудь, потная пухлая рука взяла свечу, с фривольной любезностью слегка прижав кончики пальцев Ниночки к скользкому, холодному стеарину.

— Мерси, мерси, сударыня, — торопливо и еще более неестественно проговорил тот же голос.

— Не стоит, право, — машинально ответила Ниночка и втянула руку обратно.

В соседней комнате как будто затихло. Слышалось только смутное, сдержанное гудение.

Ниночка успокоилась, села на кровать, устало вздохнула и стала раздеваться. Она сняла башмаки, юбку и кофточку и осталась сидеть в одной рубашке и длинных черных чулках, с голубыми резиновыми подвязками. Плотно обтянутые черным ноги казались мило маленькими и детски нежными, руки, тоненькие и круглые, наивно блестели. Она стала причесываться на ночь: выбрала шпильки на колени, начала плести косу.

— Сударыня, — опять раздался за дверью голос, — мы пьем чай... может, вы желаете с нами чашечку?

Голос был тот же пьяный, неестественно галантный, но что-то новое, беспокойное слышалось в нем: казалось, что при каждом слове у говорившего жадно и тревожно раздувались ноздри.

— Нет, спасибо! — испуганно ответила Ниночка, хватаясь за одеяло.